

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ДЕСУВЕРЕНИЗАЦИЯ И УТРАТА ГОСУДАРСТВОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

А.В. Минаев

ФГБУН «Институт философии Российской академии наук»
ул. Волхонка, 14/1-5, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается взаимосвязь процесса десуверенизации с утратой государством политической субъектности. Автор отмечает необходимость введения специального подхода к определению и анализу государственной суверенности, а также предлагает рассматривать факты ограничения суверенитета с точки зрения процессов десуверенизации. Данная специализация исследования способствует поиску, обнаружению и установлению допустимого состояния ограничения государственного суверенитета, при котором его высшая власть сохраняет возможность эффективно и быстро реагировать на угрозы продвижения политики национальных интересов. Ограничение суверенности, по мнению автора, допустимо лишь тогда, когда это не приводит к потере политической субъектности государства.

Ключевые слова: государство, суверенитет, десуверенизация, область десуверенизации, ограничение суверенитета, политическая субъектность государства

Многовековая история взаимоотношений государств и политически организованных обществ знает огромное множество причин и обстоятельств, воспрепятствовавших продолжению гармоничного, продуктивного и обоюдовыгодного сотрудничества между странами и народами. Противоречия, возникавшие в период очередной международной конфронтации, нередко возводились в ранг «непреодолимых» и находили свое единственное разрешение лишь в аргументе войны. Война, как продолжение политики иными средствами, или напротив, как следствие бессилия средств политики, исторически являлась самым радикальным методом борьбы. Сторона, принужденная с помощью военных сил к капитуляции, утрачивала свою самостоятельность и лишалась права на суверенитет. Поэтому долгое время лучшим способом сохранения государственной независимости являлось постоянное укрепление военной мощи.

Однако силовое столкновение несло в себе слишком много рисков для каждого участника противостояния. Поэтому те субъекты, что рассматривали применение политики десуверенизации в отношении своих оппонентов как острую не-

обходимость, постепенно отходили от использования прямых силовых методов. Их внимание все больше привлекали альтернативные методы несилового воздействия на оппонента.

На сегодняшний день мы можем говорить о том, что инструментарий механизмов десуверенизации разросся настолько широко, что каждая структурно значимая сфера для функционирования государства может стать объектом и областью десуверенизации. Это означает, что внутри, например, экономической или культурно-идеологической системы того или иного государства всегда будут обнаруживаться определенные элементы, внутреннее или внешнее воздействие на которые способно существенным образом изменить темпы развития всего государства. Внешнее или внутреннее происхождение данных процессов, так же, как и их вектор деятельности, зависит от того, насколько суверенно государство, а также каков уровень ее политической субъектности. Для большей наглядности следует конкретизировать понятия «государственный суверенитет», «десуверенизация», «политическая субъектность», определить взаимосвязь между ними, а так же рассмотреть их настоящую значимость для современного национального государства.

Обычно под суверенитетом подразумевается верховенство, совокупность верховных прав, принадлежащих государству или его главе и проявляющихся в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства. Указанное определение является довольно усредненной политико-правовой дефиницией, в истории развития которой наблюдаются сильные теоретические перекосы то в одну, то в другую сторону.

В зависимости от места, где устанавливался акцент исследования проблем, связанных с суверенитетом, возникали отдельные и подробно разработанные направления теорий о суверенитете, которые, однако, не всегда можно применять как общую доминанту, через призму которой проводилось бы изучение всех политических проблем государственного суверенитета. К примеру, в истории политической мысли существует масштабная по размерам своей разработанности диалектическая связка, включающая в себя концепции абсолютного суверенитета (первое обобщение данных теорий было проведено еще во времена Ж. Бодена) и теории суверенитета народного (получившая наиболее широкое распространение в период творчества Ж.Ж. Руссо). Каждое из направлений имело весомую прикладную значимость в деле разрешения конкретных исторических проблем, будь то эффективное распоряжение совокупностью всех ресурсов власти или построение политической системы, в рамках которой народ признавался бы сувереном и наделялся необходимым ему перечнем прав и свобод.

Позже, к XX в., благодаря стараниям немецких мыслителей К. Шмитта и Г. Кельзена концепции о суверенитете переступили порог систематизации, основанной на определении истока и первопричины суверенной власти. Категория суверенитета окончательно проникала в масштабную сеть международных юридических норм и вставала в конвенциональную зависимость от предписаний, формулируемых глобальными политическими организациями (по типу Лиги наций или ООН). Если же данные нормы подвергались отрицанию (во время социальных

смут или войн), в дело вступал шмиттовский «инициатор чрезвычайных положений», который в кризисный момент становился действительным суверенным субъектом и самостоятельно принимал необходимые политические решения [8. С. 64—75].

Сегодня теоретическое наследие политической мысли в области суверенитета определенно требует иной контекстной специализации. Современный исторический момент предъявляет нам куда больше параметров для восприятия и анализа, чем их можно было бы наблюдать одно или несколько столетий назад. Это означает необходимость внедрения новых инструментов для теоретического осмысления проблем, угрожающих полноценному развитию государства.

На наш взгляд, такое осмысление возможно, если учитывать процессы десуверенизации, фиксировать объем политической субъектности государства, а также использовать актуальную для современных геополитических тенденций концептуализацию феномена государственного суверенитета. Именно поэтому следует фокусироваться на современном национальном государстве как на субъекте суверенитета, а также на тех процессах межгосударственной деятельности, которые носят противоборствующий характер и в конечном счете влияют на степень независимости самого государства. Государственный суверенитет мы предлагаем рассматривать не как монолитное право государства, неприкосновенность которого гарантируется ему принципами, закрепленными в Уставе ООН. Его суть следует передавать в терминах состояния, полноты, права, возможности, а также целеполагания. Тогда государственным суверенитетом определяется такое состояние государства, при котором его верховная власть обладает правом и реальными возможностями проводить политику в интересах народа и государства в целом, на самостоятельной и независимой основе.

Государственная независимость в аспекте данного определения перестает рассматриваться только как противоположность подчинению и утрате территориальной целостности или политической автономии (что реализуется классическим военным способом десуверенизации), но разбивается на совокупность независимостей (экономической, культурно-идеологической, военной и др.), аутентичное состояние которых обязуется поддерживать государственная власть. При таком ракурсе суверенитет есть не просто статичное право или символ власти, но емкостное и динамичное свойство, ресурс, стабильная эксплуатация которого становится двигателем развития государства.

Для субъекта мировой политики, стремящегося к укреплению и распространению собственной мощи, контроль над суверенитетом — стратегическая задача. Именно поэтому сложно согласиться с некоторыми теориями международных отношений (А.А. Сергунин в этом плане отмечает глобализм, постмодернизм, социальный конструктивизм, постструктурализм и пр.) [9], согласно которым эпоха суверенитета морально устарела и теперь должна уступить свое место парадигме всеобщего сотрудничества и глобальной интеграции, в которой суверенные границы — объективное препятствие для дальнейшего прогресса. Данные теории обычно сосредотачивают внимание на практике отчуждения суверенных

полномочий государства в пользу управленческих институтов наднациональных структур, международных организаций, а также посредством подписания и ратификации международных договоров. В качестве причин вынужденного ограничения суверенитета выделяют [4. С. 90—99] некоторые обстоятельства нынешнего исторического периода:

— необходимость устранения глобальных параметров, закрепляющих принципы неравномерности участия развитых и развивающихся стран в мировых экономических процессах;

— незащищенность прав и свобод человека в некоторых регионах мира;

— необходимость создания «высокоорганизованной системы взаимного вмешательства во внутренние дела друг друга» [11] с целью достижения общего благополучия (Роберт Куперт);

— суверенитет признается инструментальной ценностью, склонной к градуации или временному выхолащиванию в условиях, когда легитимность государственной власти подвергается общественному отрицанию (Фернандо Тезон) [12];

— необходимость окончательного предотвращения возможности глобальных вооруженных конфликтов, что в рамках традиционных отношений, построенных на суверенном принципе, сделать не получается (М. Хардт, А. Негри) [10].

Как отмечает О.М. Мещерякова, с юридической или институциональной точки зрения суверенитет государства некорректно сравнивать с компетенциями наднациональных организаций, несмотря на то, что оба элемента изначально призваны на удовлетворение национальных интересов государств [7]. Мы же заметим, что подобные концепции не рассматривают государственный суверенитет во всем его структурном многообразии, что в условиях геополитической борьбы ведет к ошибочным прогнозам и неоправданным ожиданиям национального масштаба. Тенденция к размыванию суверенитета в условиях глобализации действительно прослеживается, но с ее помощью вряд ли представляется возможным описать ряд других, смежных, но не тождественных глобализации процессов. На наш взгляд, стоит обратиться к понятию десуверенизации, для того, чтобы устранить пробелы в существующих интерпретационных моделях, обосновывающих необходимость или ненужность выстраивания международных отношений на принципе суверенитета.

В широком смысле десуверенизация есть совокупность процессов, которые прямым или косвенным образом, через официальные механизмы межгосударственного взаимоотношения [6] или с помощью скрытых методов воздействия, лишают акторов государственной власти возможности использовать все необходимые рычаги управления для проведения политики в интересах народа и государства на самостоятельной и независимой основе.

Такое довольно длинное определение, с одной стороны, позволяет обращать внимание на ограничение суверенитета, вызванное объективной необходимостью для государства участвовать в ряде интеграционных процессов, способствующих установлению и соблюдению ряда правил (например, с целью выработки обоюдных выгодных условий для торговых отношений, закрепленных нормами «Таможенно-

го союза»). С другой стороны, оно предоставляет возможность анализировать ряд процессов ограничения суверенитета в логике воздействия на суверенитет внешних субъектов и акторов влияния, деятельность которых может ограничивать доступ местных властей к отдельным рычагам государственного управления или даже диктовать условия принятия тех или иных решений.

Таким образом, главным вопросом, который должен возникать при изучении процесса десуверенизации, становится вопрос понимания того, до какой степени высшая власть государства может позволить себе ограничивать область собственной компетенции (или до какой степени она уже ограничена), сохраняя при этом возможность эффективно и быстро реагировать на угрозы продвижения политики национальных интересов. По нашему мнению, при поиске ответа на поставленный вопрос следует обращаться к исследованию суверенитета через призму его полного состояния. Исследуя значение совокупности рычагов управления для государственной деятельности сразу по нескольким выбранным сферам, следует обнаруживать «области десуверенизации». Область десуверенизации сигнализирует о чрезмерном отчуждении верховной власти от рычагов и механизмов государственного регулирования.

Указанную концепцию можно проиллюстрировать следующим образом. Приглядимся к суверенности в экономической сфере. Отсутствие экономического суверенитета нельзя расценивать в форме экономической несостоятельности или отсталости государства. Данные состояния отражают лишь постоянно меняющиеся процессы развития (стагнации или рецессии) самого государства. Однако, по замечанию И.П. Блищенко, экономическая независимость и суверенность государства напрямую связывается с «равноправным участием в международной жизни» [1. С. 44]. В этой связи, например, международные санкции, накладывающие запрет на заимствование валюты для пополнения резервных запасов национальных банков конкретного государства, становятся актом десуверенизации, а сама валютно-финансовая сфера в государстве обзаводится областью десуверенизации. В подобном ключе невозможно игнорировать существующую в глобальном масштабе политическую конфликтность, которая и предъявляет государствам главные вызовы для их суверенитета. В свою очередь, обнаруженные области десуверенизации позволяют сделать вывод об утрате государством части своей политической субъектности.

Понятие политической субъектности государства является логическим развитием термина политической субъектности.

Обычно чертой политической субъектности наделяется личность, организация или общественная группа, способная к анализу, целеполаганию и ведению активной деятельности в сфере политики [4. С. 148—152]. Исследуемое качество субъектности по отношению к государству, напротив, привязывается к нему самому как единству всех действующих политических акторов внутри данного государства, совокупную волю которых в консолидированной форме выражает верховная власть. Важно отметить, что состояние субъектности, по большей части, характеризуется не просто как потенциальная возможность действовать, но как ее

реальная и достаточно активная форма. Субъектность должна быть заметна в окружающей среде. Так, внутри государства политической субъектностью будут обладать те общественные объединения, которые:

- располагают достаточной степенью сплоченности;
- руководствуются упорядоченными принципами управления;
- характеризуются готовностью к мобилизации;
- имеют ясные и четкие интерпретационные модели происходящих событий

внутри страны;

- артикулируют свои общественные ценности и идеалы;
- провозглашают цели и задачи собственной деятельности;
- создают и поддерживают существование собственной ресурсной базы;
- имеют развитую сеть агентов и каналов коммуникации и др.

В зависимости от степени архитектурного совершенства того или иного компонента мы можем говорить либо о выраженной (полноценной) политической субъектности, либо о недостаточно выраженной субъектности, и в крайних случаях о полном (или практически полном) отсутствии субъектности общественного объединения.

Концепция политической субъектности государства схожа в общих чертах с оригинальной концепцией собственного первоисточника. Только область деятельности, в которой проявляет себя субъект, расширяется от национальных границ до всего мира. Причем, как отмечает Н.Н. Гнатюк, несубъектность актора в международных делах — это не только суть внешней политики государства, но также и степень его влияния на действия или ожидания других участников политических отношений [2. С. 113]. Мы же добавим к этому перечню способность фиксировать системные проблемы, определять методы их решения и инициировать необходимые программы реформ.

Из этого следует, что попытка определения субъектности государства во взаимоотношениях с международными, наднациональными, транснациональными организациями или иными государственными акторами возможна как минимум при анализе трех блоков деятельности.

Первый блок касается самостоятельности и должного уровня компетенции в управлении делами внутри собственных границ.

Образно говоря, классическими примерами государств, которые бы не получили «балл субъектности» на уровне первого блока, являются так называемые несостоявшиеся государства («Failed States»), или государства, которые частично утратили контроль над внутренними процессами в стране вследствие слома государственности из-за разгара гражданской войны или по причине капитуляции перед структурами организованной преступности. В контексте данного интерпретационного уровня наглядно демонстрируется современный кризис на Ближнем Востоке. Десуверенизация ливийского государства с помощью применения военных сил международной коалиции свергла страну в хаос и лишила ливийские народные комитеты (структуры власти) возможности осуществлять местное и государственное управление. Ситуацию не облегчили ни смена правящих кругов,

ни демократические реформы 2012 г. по западному образцу. Итогом крушения государственности стала утрата суверенитета, а вместе с ней и политической субъектности, что привело к возникновению таких крупных региональных проблем, как распространение оружия, возникновение территорий, подконтрольных группировкам ИГ, бесконтрольный поток беженцев. В свою очередь, европейские государства, участвовавшие в подготовке и лоббировании резолюции 1973 Совета Безопасности ООН, а затем и в самой военной операции против Ливии, сегодня вынуждены бороться с массовой нелегальной иммиграцией беженцев из арабских стран, охваченных войной или экономическими неурядицами.

Одна из основных положительных характеристик суверенитета, как верно замечает А.А. Моисеев, заключается в том, что суверенное государство «в состоянии в каждый момент времени свободно взять на себя осуществление необходимых ему полномочий» [7. С. 102]. В данном контексте у руководства таких государств, как Ливия, Ирак и Сирия, частично или полностью утративших суверенитет, практически отсутствует возможность осуществлять государственные полномочия по защите собственного населения, не говоря уже о контроле над государственными границами. Европейская медлительность в решении миграционной проблемы отчасти объясняется неповоротливостью и масштабами собственной бюрократической машины, но решающим фактором бездействия как раз выступает размывание суверенитета национальных государств, которая проявляется в несоответствии ценностно-идеологических установок, разделяемых в обществе, декларируемым программам мультикультурализма. У европейских государств существует определенный запас прочности, который позволяет мирно сосуществовать коренным европейским гражданам и прибывшим в прошлом столетии мигрантам. Что касается новых волн миграции, то в таком интенсивном и даже агрессивном темпе, который наблюдается в настоящее время, принимать беженцев европейское общество и европейские элиты оказались неготовыми.

Второй блок связан с перечнем всех необходимых действий государственного субъекта для эффективного и плодотворного взаимодействия с представителями верховной власти иностранных партнеров, с целью поиска, определения и применения обоюдовыгодных форм сотрудничества, а также с целью разработки специализированных программ, направленных на разрешение существующих международных конфликтов или проблем. В данной плоскости международных взаимоотношений государственный субъект получает очередной «балл субъектности» при условии, что его политический вес действительно играет ключевую роль в выборе направления развития того или иного процесса, определяемого коллективным путем.

В качестве иллюстрации проявления политической субъектности второго блока можно привести санкционное противостояние стран ЕС и России. Наложив персональные, секторальные и финансовые санкции, ряд стран Европейского Союза запретил въезд на свою территорию определенному кругу лиц, ограничил доступ к европейским финансовым ресурсам, а также прервал свободное движение инвестиций. Россия ответила введением собственного списка персон нон грата и позже запретила ввоз части европейских товаров.

Подобная активность европейских государств свидетельствует о выработке общей интерпретационной модели происходящих в мире событий (в частности украинский кризис), проявлении дипломатической и внешнеполитической солидарности, что, безусловно, можно отнести к демонстрации своей политической субъектности.

Однако, исходя из логики десуверенизации, принятые к исполнению политические решения не всегда могут служить сигналом независимости политики. При потере части суверенитета в ряде вопросов политические лидеры могут представляться как проводники чужой воли, но не как защитники интересов народа. В такой ситуации проявление политической субъектности может вызвать дестабилизацию политического и экономического положения государства, вызвать новые проблемы, а старые оставить нерешенными.

Третий блок относится к сфере наиболее важных вопросов, ответы на которые определяют глобальные «правила игры». Обычно государства проявляют свои творческие способности по этому направлению в особые исторические периоды, например, когда мир окунается воды глобального экономического кризиса или сотрясается от взрывов огромных военных машин. В отдельных случаях решение по изменению миропорядка может приниматься единолично, но для этого требуется исключительный уровень политической субъектности. В XX в. примером политической субъектности на столь высоком уровне может представляться формирование мирового послевоенного порядка, создание крупных политических, военных и экономических организаций, таких как ООН, ОБСЕ, НАТО, МВФ, ММВБ, ВТО, конструирование Бреттон-Вудской валютной системы и др.

Таким образом, обращаясь к каждому блоку государственной деятельности, мы можем анализировать степень политической субъектности государства. Там, где ее недостаточно для фиксации и решения существующих у государства и общества проблем, вероятно, имеется утрата независимости вследствие процессов десуверенизации. А так как почти каждое современное национальное государство испытывает на себе тенденции к эрозии собственного суверенитета, подобный подход позволит оперативно выявлять существующие угрозы для функционирования государства, эффективно устранять их или, если такая возможность отсутствует, обнаруживать причины дестабилизации жизненно важных для государства систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Блищенко И.П.* Экономический суверенитет государства: учеб. пособие. М.: РУДН, 2001.
- [2] *Гнатюк Н.Н.* Международная политическая субъектность ЕС: критерии оценки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 2.
- [3] *Кузнецова Е.С.* Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы. 2006. № 2(11). Т. 4.
- [4] *Конуров А.И. Будылин К.Ю.* Субъектность как политологическая категория // Власть. 2012. № 6.

- [5] *Мещерякова О.М.* Наднациональные международные организации и проблема суверенитета государств-членов // Московский журнал международного права. 2010. № 2.
- [6] *Мещерякова О.М.* Наднациональность в Европейском Союзе и суверенитет государств-членов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия политология. 2012. № 1.
- [7] *Моисеев А.А.* Проблема суверенитета России // Проблема суверенности современной России / под ред. С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, В.Н. Лексин. М.: Наука и политика, 2014.
- [8] *Мусихин Г.И.* Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» // Общественные науки и современность. 2009. № 3.
- [9] *Сергунин А.А.* Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Т. 16.
- [10] *Хардт М., Негри А.* Множество. Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006.
- [11] *Cooper R.* The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. London: Atlantic Books, 2003.
- [12] *Teson F.R.* A Philosophy of International Law. Oxford: Westview Press, 1998.

DESOVEREIGNIZATION AND THE LOSS OF POLITICAL SUBJECTIVITY BY THE STATE

A.V. Minaev

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Volkhonka str., 14/1, Moscow, Russia, 119991

The article discusses the interconnection of desovereignization processes and state's loss of political subjectivity. The author points out the need to introduce a special approach to the identification and to the analysis of state sovereignty, as well as offers to consider facts of limitation of sovereignty in terms of desovereignization processes. This specialization of study helps to search to detect and to establish allowable state restrictions of state sovereignty in which its supreme power retains the ability to quickly and effectively respond to threats promotion policy of national interests. Restriction of sovereignty, according to the author, is acceptable only when it does not lead to a loss of political subjectivity of the state.

Key words: state, sovereignty, desovereignization, the field of desovereignization, restriction of sovereignty, political subjectivity of the state

REFERENCES

- [1] Blishhenko, I.P. Jekonomicheskij suverenitet gosudarstva: ucheb. posobie. M.: RUDN, 2001.
- [2] Gnatjuk N.N. Mezhdunarodnaja politicheskaja sub'ektnost' ES: kriterii ocenki. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija.* 2014. № 2.
- [3] Kuznecova E.S. Zapadnye koncepcii gosudarstvennogo suvereniteta. *Mezhdunarodnye processy.* 2006. № 2(11). Tom 4.

- [4] Konurov A.I. Budylin K. Ju. Sub'ektnost' kak politologicheskaja kategorija. *Vlast'*. 2012. № 6.
- [5] Meshherjakova O.M. Nadnacional'nye mezhdunarodnye organizacii i problema suvereniteta gosudarstv-chlenov. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2010. № 2.
- [6] Meshherjakova O.M. Nadnacional'nost' v Evropejskom Sojuze i suverenitet gosudarstv-chlenov. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija politologija*. 2012. № 1.
- [7] Moiseev A.A. Problema suvereniteta Rossii. *Problema suverenosti sovremennoj Rossii*. Pod red. Sulakshin C.C. Bagdasarjan V. Je. Leksin V.N. M.: Nauka i politika, 2014.
- [8] Musihin G.I. Konceptual'naja neodnoznachnost' ponjatija «suverenitet». *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2009. № 3.
- [9] Sergunin A.A. Suverenitet: sovremennye diskussii v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika*. 2010. № 19 (90). Tom 16.
- [10] Hardt M., Negri A. Mnozhestvo. Vojna i demokratija v jepohu imperii. Per. s angl. pod red. V.L. Inozemceva. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2006.
- [11] Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. London: Atlantic Books, 2003.
- [12] Teson F.R. A Philosophy of International Law. Oxford: Westview Press, 1998.